

Иностранцы в СССР: режимные ограничения и контроль от «венгерской осени» до «чехословацкой весны» (вторая половина 1950-х — 1960-е гг.)

Виктор Иванов

Foreigners in the USSR: regime restrictions and control over them from the Hungarian autumn to the Czechoslovak spring (second half of the 1950s–1960s)

Viktor Ivanov

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S0869568722010113

Противоборствующие послевоенные системы (СССР и Запад) рассматривали свои культурные и интеллектуальные связи не только сквозь призму превосходства и неполноценности, как это происходило в 1920–1940-х гг.¹, но и через новые алгоритмы холодной войны 1950–1960-х гг. Одними из первых это почувствовали граждане, пребывавшие в статусе «иностранцев». Многие, с чем они столкнулись в эти годы в Советском Союзе, было «замешано» на избыточной, как им представлялось, подозрительности и излишне строгом контроле за ними со стороны системы.

Вообще отношение к иностранным гражданам в эти годы как никогда ранее отражало весь спектр непростых межгосударственных и внутривнутриполитических проблем, подпитываемых «плохой родословной» так называемого иностранного вопроса не только в СССР, но и в других государствах мира. Хотя их правительства и провозгласили общие принципы отношений между народами и странами, на практике они предпочитали более осмотрительную и избирательную тактику общения и работы с иностранцами. Не обходилось и без политико-идеологического лицемерия. Причём нередко о проблемных местах в организации въезда, пребывания, перемещения и выезда иностранцев в открытых публикациях не сообщалось, а материалы служебной (закрытой) переписки по этим вопросам были практически недоступны для исследовательского анализа и обобщения.

Такое положение отразилось на историографии проблемы, в которой преобладали тематические работы преимущественно организационно-правового, идеологического, пропагандистского направления. Они обходили вниманием комплексы противоречий и узлы напряжения, касавшиеся пребывающих в СССР иностранцев, в частности, проблемы, связанные с режимными ограничениями и специальными мерами контроля. В отдельных публикациях они маскировались. Так, в работе М.М. Богуславского и А.А. Рубанова утверждалось о легкодоступности получения въездных виз в СССР гражданам капиталисти-

© 2022 г. В.А. Иванов

¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова. М., 2015. С. 19–20.

ческих стран, придерживающимся реакционных взглядов, говорилось о полной свободе передвижения иностранцев по территории страны, в частности посещения ими «по своему выбору» предприятий, колхозов и других объектов². Помимо этого, во многих работах вопросы режимных ограничений и контроля за иностранцами вовсе не обозначались. Обошёл их молчанием даже вышедший в 1986 г. сборник нормативных актов по вопросам иностранного туризма в СССР³. Это касается и ряда более поздних работ по данной теме.

Впрочем, в исследованиях конца 1960-х — начала 2000-х гг. вышеупомянутые темы всё же затрагивались⁴. Это были важные попытки осмыслить то, как режиссировалась система различного рода ограничений и наблюдений за иностранцами, находящимися в стране. Однако в них практически опущены или представлены недостаточно полно надлежащие аргументации и пояснения, природа некоторых ограничительных мер осталась неясной. Между тем без понимания существа мотивации властных структур невозможно уяснить важные аспекты конфликта двух политико-идеологических систем.

Некоторые исследователи развивали тезис об идеологической опасности иностранцев для советского общества, объясняя этим необходимость наблюдения и контроля за ними, а также попыток воздействия на их представления, формирования «правильных» впечатлений. Наиболее заметной работой по проблеме идеологической обработки иностранцев стал коллективный труд «Советское зазеркалье. Иностранцы в СССР в 1930–1980-е годы»⁵. В нём не только упоминаются соответствующие методики и инструкции, но и приводятся примеры ведения самими иностранцами пропагандистских акций, сбора ими материалов о жизни в СССР и др. Из-за этого органы советской пропаганды и агитации считали их «опасными каналами возможного распространения антисоветских настроений», чем, в свою очередь, обосновывалась необходимость тщательного наблюдения за ними⁶. Уже в 1950–1960-х гг. оформилась «охранительная» тенденция, выразившаяся в стремлении советских властей к тотальному идеологическому контролю за иностранцами⁷. Как и в 1920–1940-х гг., их учили тому, как следует наблюдать за советской действительностью и интерпретировать увиденное⁸.

² *Богуславский М.М., Рубанов А.А.* Правовое положение иностранцев в СССР / Изд. 2, перераб. и доп. М., 1962. С. 45–46, 51, 53. Позже Л.Н. Галенская в учебном пособии с аналогичным названием фактически продублировала эти тезисы, напомнив учащимся, в частности, о дверях, широко открытых для иностранцев, знакомящихся с жизнью советской страны (с. 47).

³ Сборник нормативных актов по вопросам иностранного туризма в СССР / Под ред. В.И. Гордеева. Ч. 1. М., 1986.

⁴ *Ананьев М.А.* Международный туризм. М., 1968; *Крымская А.С.* Советский образ жизни глазами американских стажёров 50-х — 70-х гг. XX века: из воспоминаний и интервью // Новейшая история России. 2013. № 2; *Кисиль В.И., Пастухов В.П.* Правовой статус иностранцев в СССР. Учебное пособие. М., 1987; *Альбац Е.* Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ. М., 1992; *Варлен-Бевз М.Г.* Развитие законодательства о гражданстве на территории СССР (1917–1991 гг.) // Право и жизнь. 1998. № 14; *Барановский В.Д.* Холодная война. XX век. М., 2018; и др.

⁵ Советское зазеркалье. Иностранцы в СССР в 1930–1980-е годы: учебное пособие / Авт.: В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, К.А. Мазин, А.А. Федюлин, Й.Й. Шнайден. М., 2007.

⁶ *Силина Л.В.* Иностранцы в СССР и выезд советских граждан за рубеж в 1960-е гг. (по материалам отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС) // Наука и школа. 2010. № 4. С. 136.

⁷ *Хриун В.А.* Иностранцы в Советской России в 1950-е — 1960-е гг. (на материалах Ленинграда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 5.

⁸ *Нагорная О.С.* Зазеркалье советской модерности: внешнеполитические презентации СССР в эпоху «великого перелома» // Российская история. 2017. № 3. С. 166.

Источниковую базу данной статьи составили опубликованные в режиме «для служебного пользования» сборники документов 1969–1985 гг. Они содержат материалы, отражающие специфику деятельности различных учреждений и ведомств, работавших с иностранцами в 1950–1960-х гг.⁹ Их анализ позволил составить представление о практике государственного контроля над иностранными гражданами, характере запретов и ограничений по отношению к ним в эти годы.

С позиции советского руководства принцип мирного сосуществования двух мировых систем вовсе не означал терпимости к «западной культурной дипломатии» (научным, деловым, творческим контактам, обменам, туризму и др.). Напротив, предполагалось, что некоторые иностранцы, приезжающие в СССР, «по определению» собирают порочащие материалы или ведут «враждебную пропаганду»¹⁰. У подобного мнения, казалось, имелись основания. Так, например, в январе 1956 г. в местные органы внутренних дел поступило распоряжение союзного МВД «О полётах иностранных воздушных шаров над территорией СССР», в котором сообщалось о содержании шаров, сбитых ПВО на большой высоте, в том числе над территориями стран народной демократии. В них находились передающая и приёмная радиоаппаратура, кино- и фотокамеры, листовки антисоветского содержания. Первичная информация о минировании подобных грузов вскоре была опровергнута¹¹, а в июне того же года 2-е главное управление КГБ при Совете министров СССР (СМ СССР) предупредило о подготовке на английской авиабазе в Ливерпуле очередной операции по запуску больших воздушных шаров¹².

К середине 1950-х гг. органы госбезопасности создали и поддерживали жёсткий контрразведывательный режим, эффективность которого достигалась, среди прочего, за счёт максимального ограничения контактов советских граждан с иностранцами¹³. Венгерские события 1956 г. не только ускорили «перенастройку» КГБ и МВД на новые внутренние задачи, но и существенно скорректировали их позицию по «иностранному вопросу». Он, как и раньше, контролировался на уровне Президиума ЦК КПСС. Причём государственные и общественные организации обязывались беспрекословно выполнять все предписания «органов», касавшиеся иностранцев. Перемены отражали, по крайней мере, два важных положения: ужесточение процесса регулирования пребывания иностранцев в стране и более обстоятельный контроль «органов» и других формирований (народные дружины, группы актива, гиды-переводчики и др.) над иностранцами (не только из капиталистических, но и из стран «народной демократии») на предмет их идеологической и пропагандистской

⁹ Сборник нормативных актов по вопросам иностранного туризма в СССР / Под ред. В.Е. Иванова. М., 1969; Положение о порядке работы с иностранными делегациями и специалистами. М., 1981; Методические рекомендации по порядку приёма иностранцев. В помощь министерствам, ведомствам, предприятиям, учреждениям и организациям. Тбилиси, 1985; Некоторые вопросы протокольной практики. Тбилиси, 1985; Краткое методическое руководство по приёму иностранных делегаций и отдельных иностранцев, прибывающих в Советский Союз по линии Минрыбхоза СССР. М., 1986.

¹⁰ Советское зазеркалье... С. 245.

¹¹ Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. (далее – ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл.), ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 4–5.

¹² Там же, л. 29.

¹³ Христовов В.С. История страны в документах архивов ФСБ России. Сборник статей и материалов. М., 2013. С. 729–730.

деятельности среди советских граждан. Руководство страны считало эти меры вынужденными в свете кризисных событий в Польше, ГДР, Венгрии и других восточноевропейских странах, а также усилившейся активности зарубежных спецслужб и их эмиссаров¹⁴.

Стереотипы о «враждебном Западе» нередко поддерживались открытыми признаниями самих организаторов антисоветских акций¹⁵. По оценке органов госбезопасности, им было «сподручнее» работать с незначительным количеством находящихся в стране иностранцев, изолируя их от контактов с гражданами. Это позволяло успешно формировать «определённый менталитет у советских людей, основными чертами которого стали боязнь общения с иностранцами и подозрительность в отношении представителей европейских государств»¹⁶.

Однако остановить постоянно расширявшийся со второй половины 1950-х гг. поток иностранцев в соцстраны в форме массового туризма, научного, культурного и образовательного обменов, частных и деловых поездок оказалось невозможно, даже прибегая к аргументации об «опасном и агрессивном Западе». В этой связи советское руководство намеренно изыскивало, как считалось, эффективные и скрытые от западной общественности и прибывающих иностранцев способы более тщательного контроля за ними.

Анализ архивных материалов, относящихся к этому периоду, показывает, что одной из сфер, где ограничительные меры должны были, с точки зрения властей, сработать наиболее результативно, стала регламентация въезда, перемещения и выезда из СССР. Причём вводимые ограничения не прописывались в общедоступных и открытых юридических актах, а содержались в основном в закрытых ведомственных нормативных документах (предписаниях, приказах, директивах, инструкциях, рекомендациях и т.п.).

Въезд, пребывание и выезд иностранцев (если не имелось специальных соглашений) носили разрешительный характер. Допуская въезд, власть желала знать мотивы и цели поездки, по крайней мере, для того чтобы содействовать их реализации или своевременно остановить эту процедуру и т.п. В этой связи, к примеру, стремились не допускать въезда лиц (даже из «братских» стран), имевших двойное гражданство¹⁷. Правда, вплоть до 1956 г. непризнание такового не получало юридического выражения ни в положениях о гражданстве СССР 1924, 1930 и 1931 гг., ни в законе о гражданстве (1938)¹⁸. Эта неопределённость нередко использовалась для отказа во въезде тем иностранцам, пребывание которых, по оценке «органов», считалось нежелательным. События в странах соцлагеря ускорили принятие соглашений по этой проблеме, подписантами которых стали Венгрия, Румыния, Чехословакия, Болгария и др.¹⁹

¹⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2003. С. 212, 985; Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917–1991. Справочник / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2003. С. 691.

¹⁵ *Пачета И.М.* Дезинформация. Тайная стратегия абсолютной власти / Пер. с англ. А.Б. Мовчан. М., 2016. С. 466.

¹⁶ *Хаустов В.Н.* Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения – потенциальные «агенты буржуазных разведок» // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М., 2008. С. 219.

¹⁷ *Смирнова Е.С.* Регулирование конституционно-правового статуса иностранцев в советской и постсоветской России // Россия и современный мир. 2004. № 1. С. 101.

¹⁸ *Варлен-Бевз М.Г.* Развитие законодательства о гражданстве... С. 133.

¹⁹ Ведомости Верховного совета СССР. 1956. № 16; 1958. № 1, 4, 5, 7–9, 17, 35; 1963. № 30.

Впрочем, надо отметить, что многие детали и темы, относившиеся к безгражданству, правовому положению иностранцев, праву убежища и другим вопросам, не получили окончательного разрешения и в международном праве, о чём не раз заявляли отечественные юристы-международники²⁰. Но и «разрешительная система» въезда, пребывания и выезда иностранных граждан, широко распространённая в других странах²¹, в Советском Союзе воспринималась скорее как ограничительная, жёстко регламентируемая, не допускающая импровизации и конформизма. В связи с этим возникало немало проблем как у иностранцев, так и у принимающей стороны.

Так, например, к весне 1957 г. в советских посольствах и консульствах на территории ФРГ, Японии, Италии, Финляндии и ряда других стран скопилось большое количество заявлений от организаций, учреждений и частных лиц, желавших в составе делегаций и туристических групп посетить летом этого же года места погребений бывших военнопленных и интернированных из этих государств, захороненных в СССР в 1940–1950-х гг. Немногочисленные ходатайства иностранных граждан об эксгумации и отправке на родину останков их умерших родственников из числа таковых отложились к этому времени также в МВД и Генеральной прокуратуре СССР. Выяснилось, что к такому повороту дел власти были не готовы. Прошедшая в апреле 1957 г. коллегия МВД рассмотрела вопрос о состоянии кладбищ, организованных в своё время лагерями и спецгоспиталями для захоронения умерших, и констатировала их крайнюю запущенность, невозможность персонального установления искомым могили и т.п.²² Фактически на местах требования директив бывшего Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР № 28/2/23 от 24 августа 1944 г. и № 25/74 от 7 декабря 1945 г. по вопросам захоронений военнопленных не выполнялись²³. При таком состоянии о допуске иностранцев к местам захоронений их соотечественников не могло идти речи. Видимо, этим и объясняется то, что в диппредставительствах за границей, не объясняя причин, стали заявлять, что посещать подобные места «не представляется возможным», а внутри страны в начале марта 1960 г. МВД СССР обязало Главное управление мест заключения МВД РСФСР срочно восстановить эти кладбища и «не допускать их посещение представителями иностранных государств и иностранными делегациями, передачу им данных о кладбищах и захороненных на них лицах»²⁴.

Не увенчались успехом и предпринятые в эти годы попытки иностранцев разыскать на территории СССР своих родственников, расстрелянных, осуждённых и пропавших без вести в 1930–1940-х гг. Определённую роль в этом сыграл совместный приказ КГБ и МВД от 28 января 1961 г., который на основании решения Президиума СМ СССР от 15 декабря 1959 г. ввёл в действие инструкцию «О порядке исполнения запросов Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР о розыске на территории РСФСР советских и иностранных граждан, а также лиц без гражданства». Фактически

²⁰ *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Камо грядеши... К 60-летию деятельности Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 134–135.

²¹ *Галенская Л.Н.* Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1982. С. 35–40.

²² ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 215, л. 121–122.

²³ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. М., 2000. С. 462–463, 479–480.

²⁴ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 250, л. 11.

давать иностранцам информацию по существу вопроса запрещалось. Так, п. 11 предписывал органу КГБ или МВД, готовящему ответ исполкому организации, руководствоваться следующим: «В ответе в капиталистическую страну об иностранном гражданине и лице без гражданства, содержащемся в местах лишения свободы, сообщается о том, что местонахождение разыскиваемого не установлено... В посылаемом за границу ответе об иностранце или лице без гражданства, умершем в заключении или расстрелянном, сообщается только о дате смерти без указания каких-либо других обстоятельств к ней относящихся»²⁵.

Вместе с тем в редких случаях, учитывая дружеское расположение того или иного зарубежного правительства к политике Советского государства, руководство страны позволяло удовлетворить его просьбы относительно судьбы их соотечественников. Так получилось, например, с французскими гражданами, уклончиво названными в официальной переписке 1967–1968 гг. «жертвами Второй мировой войны». Речь, в частности, шла о захороненных на территории Ленинградской обл. в годы Великой Отечественной войны 55 французах, которые, скорее всего, оказались там среди немецких, румынских, итальянских и других военнопленных. Причём Министерство охраны общественного порядка СССР (МООП) с ссылкой на «решение инстанций» (Политбюро и КГБ) поручило своему Ленинградскому управлению провести с апреля 1968 г. тщательное расследование обстоятельств смерти и захоронения в регионе французских граждан и решить вопрос о возможной эксгумации и отправке на родину их останков²⁶.

Увеличение во второй половине 1950-х гг. количества иностранцев-туристов и частных лиц из капстран в СССР привело к заметному учащению с их стороны нарушений предписаний пограничного режима, попыток выяснить «условия жизни, быта советских граждан и их настроения с фиксацией всего увиденного и услышанного ими». Это подтолкнуло органы власти к введению дополнительных ограничительных мер не только по отношению к ним, но и к некоторым группам населения страны. Так, в конце марта 1956 г. председатель исполкома Ленгорсовета Н.И. Смирнов в письме начальнику Консульского управления МИД СССР А.П. Власову просил «прекратить направление репатриированных советских граждан на место жительства в Ленинград», потому что город не в состоянии удовлетворить их жилищные нужды, а они в свою очередь «могли высказывать иностранцам своё недовольство, что является нежелательным»²⁷. Когда 14 и 15 июля 1960 г. Выборг и Выборгский район посетили сразу около 2 тыс. иностранцев, для контроля за ними мобилизовали сотни активистов и все правоохранительные органы этих территорий²⁸. Держать подобные «ударные вахты» оказалось делом весьма затратным, поэтому уже осенью распоряжением СМ РСФСР № 5762-рс более 10 небольших населённых пунктов Ленинградской обл. исключили из погранзоны. Чуть позже в их число попал и сам Выборг, хотя особый паспортный режим в нём сохранился²⁹.

²⁵ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – Архив УФСБ РФ по СПб и Ленobl.), ф. 1, оп. 8, п. 1, л. 18, 20 об.

²⁶ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленobl., ф. 2, оп. 1, д. 350, т. 1, л. 212–214.

²⁷ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб), ф. 7384, оп. 36, д. 523, л. 16.

²⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб), ф. 24, оп. 113, д. 152, л. 44.

²⁹ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленobl., ф. 2, оп. 1, д. 253, л. 60, 133.

Ограничения коснулись и процедуры въезда в СССР иностранцев из соцстран, особенно по частным делам. Хотя СМ СССР ещё в январе 1953 г. принял по этому вопросу специальное постановление, которое наделило органы внутренних дел правом разрешения подобных ходатайств, окончательное заключение всё же выносили органы госбезопасности. Причём решения по ходатайствам из Вьетнама, ГДР, КНР, КНДР, Кубы, Югославии и Албании принимались только Министерством государственной безопасности³⁰. Разногласия с МВД по этим проблемам попытались снять введением в конце сентября 1953 г. специальной инструкции³¹. Позже, 10 июля 1966 г., руководители КГБ при СМ СССР, министерств путей сообщения, морского флота и гражданской авиации СССР подписали совместный закрытый документ, содержащий список 556 железнодорожных станций, разъездов и других остановочных пунктов, 222 морских, речных портов и портпунктов, а также 141 аэропорта и аэродрома, расположенных в погранзоне СССР, куда запрещалось въезжать без пропусков органов милиции³². Во исполнение постановления СМ СССР № 164–66 от 23 февраля 1967 г. Госкомитет по науке и технике и КГБ 24 июня 1968 г. утвердили «Общесоюзный перечень промышленных предприятий, НИИ и проектно-конструкторских организаций, разрешённых для посещения иностранцами». Только в Ленинграде определялось 52 таких объекта, в числе которых не было ни одного оборонного и режимного учреждения³³.

Под более тщательным контролем оказался и сам процесс перемещения иностранцев по территории Советского Союза. Система контроля, помимо специальных нормативных документов, выстраивалась в этот период в соответствии с введённой в действие в мае 1949 г. инструкцией «О порядке проживания и передвижения иностранцев и лиц без гражданства на территории СССР»³⁴. Из её содержания нельзя было сделать однозначного вывода о том, в частности, что туристы пользовались полной свободой передвижения, как это утверждалось советской стороной³⁵. Новшеством (и в какой-то мере послаблением) в процедуре прописки иностранцев стало решение СМ СССР № 687 от 3 февраля 1956 г., предписывавшее осуществлять её не посредством сверки национальных паспортов и личной явки в отделения милиции, а через «ответственных лиц»: уполномоченных по контролю за иностранцами от госучреждений, предприятий и учебных заведений³⁶.

По оценке органов внутренних дел, в деятельности этих уполномоченных наблюдалось немало нарушений и отступлений. Так, ОВИР УВД Леноблгорисполкомов ежегодно фиксировал от 50 до 80 эпизодов нарушений студентами-иностранцами правил проживания и передвижения. Это вынудило секретариат обкома КПСС в 1959 г. принять закрытое постановление «О нарушениях иностранными учащимися Правил проживания и передвижения по территории Советского Союза»³⁷, требовавшее от органов милиции усилить контроль в первую очередь за «ответственными лицами», которые пустили этот процесс на самотёк.

³⁰ Там же, д. 281, л. 70–70 об.

³¹ Там же, л. 265–300.

³² Там же, д. 318, т. 2, л. 266–283 об.

³³ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 36, д. 728, л. 48, 110–113.

³⁴ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 182, л. 104 об.

³⁵ *Богуславский М.М., Рубанов А.А.* Правовое положение иностранцев... С. 51.

³⁶ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 22.

³⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 139, д. 51, л. 141.

После 1956 г. «набрал обороты» и приостановленный с осени 1953 г. процесс увеличения числа режимных городов и территорий, куда не допускались иностранцы. Так, например, перечень режимных районов вокруг Ленинграда увеличился с 5 до 16, а в ряде мест вдоль границы СССР стали восстанавливаться ранее ликвидированные запретно-пограничные зоны³⁸. Подобные шаги формально объяснялись реорганизацией системы ПВО и созданием новой военно-технической инфраструктуры военных округов. Понимая, что подобные запреты коснутся советских представительств и граждан за рубежом, СМ СССР постановлением № 958–441 от 6 августа 1957 г. внёс некоторые изменения в порядок передвижения по территории страны работников иностранных посольств и миссий в надежде на аналогичные шаги со стороны зарубежных правительств³⁹. Причём послам и персоналу посольств стран «народной демократии» упомянутое решение разрешало свободно посещать 20 городов и ещё ряд местностей СССР, находившихся в запретных зонах. В свою очередь посольствам и миссиям капиталистических государств дополнительно открывались на правах взаимности только 10 крупных городов: Ашхабад, Батуми, Вильнюс, Дробыч, Ереван, Луцк, Молотов, Ровно, Свердловск, Тернополь и несколько районов страны (в основном в Средней Азии)⁴⁰.

Как подмечали иностранцы, посещавшие в конце 1950-х гг. советские города, в них невозможно было приобрести их планы и путеводители, а также более полные карты областных и республиканских территорий⁴¹. Только с начала 1960-х гг. в главных городах страны стали выпускать эти материалы на русском и иностранных языках (этого требовали Конвенция о дорожном движении и протокол о дорожных знаках и сигналах 1949 г. и Конвенция о таможенных льготах для туристов и дополнительный протокол к ней 1954 г., подписанные Советским Союзом)⁴².

Присоединение СССР к конвенции о международном автомобильном сообщении открыло иностранцам возможность приезжать в страну на своих автомобилях. Автотуризм превратился в наиболее распространённый вид путешествий. Его удельный вес в европейском туризме достиг к 1967 г. почти 90%⁴³. Москва, Ленинград, Киев и Минск с начала 1960-х гг. стали самыми посещаемыми иностранными автотуристами городами страны⁴⁴. Следуя общему правилу усиления контроля за иностранцами, власть предприняла меры по более жёсткой регламентации маршрутов их движения и процедуры наблюдения за ними. В связи с этим СМ СССР секретным распоряжением № 3512-рс от 16 декабря 1959 г. обязал МВД обеспечить контроль и поддержание порядка при движении автомобилей иностранцев, следующих по установленным для них

³⁸ На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. М., 2010. С. 31–32.

³⁹ Действовало до середины 1967 г.

⁴⁰ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Лен обл., ф. 2, оп. 1, д. 209, л. 31–32.

⁴¹ *Кёттен В.* В Россию и другие страны. Сентиментальные путешествия / Пер. с нем. Е.А. Зачевского. СПб., 2002. С. 27. Обнаруженные у иностранцев (особенно у туристов) дорожные альбомы и карты СССР, изготовленные за рубежом, изымались и заменялись отечественными аналогами.

⁴² ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 9, л. 14.

⁴³ *Соколов Ю.Н.* Международный туризм и его правовое регулирование: учебное пособие. М., 1969. С. 48.

⁴⁴ *Дворниченко В.В.* Туризм в СССР и деятельность советских профсоюзов по его развитию (1917–1984 гг.). М., 1985. С. 132.

дорогам⁴⁵. В РСФСР это касалось Московской, Калининской, Новгородской, Ленинградской, Смоленской, Орловской, Курской, Белгородской и Тульской областей. На установленных дорогах с 1 апреля 1960 г. выставлялись постоянно действующие специальные посты ГАИ и обеспечивался контроль над их деятельностью. Комплектование данных постов, их материально-техническое и специальное обеспечение и оборудование осуществлялись совместно с соответствующими подразделениями местных управлений КГБ.

Тем временем к середине 1959 г. во многих регионах страны накопилось немало информации об иностранцах, нарушающих режимы проживания и передвижения. Так, на территории Ленинградской обл. проживали без национальных паспортов и не контролировались сотрудниками ОВД десятки иностранцев. Некоторые из них «осели» здесь на три и более месяцев. По данным погранслужбы, за период с сентября 1958 по апрель 1959 г. на ленинградском участке северо-западной границы оказались задержаны граждане Польши А. Шпиляревич с супругой, К. Каспирович, У. Шеляновска, а также жители Финляндии И. Стилерен и И. Гюкинен и другие иностранцы, длительное время пребывавшие в регионе без соответствующей регистрации. Выяснилось, например, что на территории Волосовского района более трёх месяцев жил с просроченным паспортом гражданин Франции Рюнарво. В Гатчинском и Винницком районах в аналогичном положении оказались финские граждане Э. Новолайнен и У. Розмейзель⁴⁶. Выступавший в начале июня 1960 г. с докладом перед партактивом Всеволожска (Ленинградская обл.) сотрудник областного управления КГБ СССР А.П. Лупанов обратил внимание на участившиеся случаи посещения колхозов и совхозов района, где проживало финское население, туристами из Финляндии под видом родственников⁴⁷. Подобные факты фиксировались и в других пограничных районах страны.

Хотя в июле 1966 г. Президиум Верховного совета СССР принял указ «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злостные нарушения правил передвижения на территории СССР»⁴⁸, этот акт учёл некоторые аспекты по «закрытым» городам и районам из-за разногласий и постоянно вносимых изменений и уточнений со стороны Министерства обороны (МО), МИД и КГБ. Часть таких территорий то попадала в согласуемые списки, то исключалась из них. Причём военное ведомство весьма болезненно реагировало на «покушения» на подведомственные ему районы.

Одним из документов, которым попытались урегулировать этот и другие спорные вопросы, стало закрытое постановление СМ СССР № 479–153 от 16 июня 1966 г. «О порядке передвижения иностранцев по территории СССР», содержавшее «Перечень городов и районов СССР, закрытых для посещения иностранцами»⁴⁹. Согласно постановлению, такое посещение допускалось только с разрешения СМ СССР по просьбам министерств и ведомств, предварительно согласованным с МО и КГБ. Если в открытых районах и городах проходили мероприятия оборонного характера, то МО, МИД и КГБ могли не разрешать иностранцам их посещение. В Ленинградской обл., к примеру, дополнительно объявили закрытыми район к западу от р. Волхов (за исключе-

⁴⁵ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 209, л. 25–27.

⁴⁶ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 333, л. 165–166.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 113, д. 152, л. 59.

⁴⁸ Ведомости Верховного совета СССР. 1966. № 30, ст. 59.

⁴⁹ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 318, т. 2, л. 210–214.

нием Ленинграда, Зеленогорска, Гатчины, Петрокрепости), 30-километровую зону вокруг Ленинграда, запретили проезд автотранспорта по шоссе Москва–Ленинград, Ленинград–Выборг–Торфяновка⁵⁰. Это постановление содержало список стран, чьи послы, посланники, советники, военные атташе и их помощники, а также официальные представители могли на условиях взаимности передвигаться по территории СССР без ограничения. В этот список вошли Албания, Венгрия, ГДР, Северный Вьетнам, Китай, Северная Корея, Монголия, Болгария, Польша, Куба, Румыния, Югославия и Чехословакия⁵¹.

Иностранцы, прибывавшие в СССР, хорошо знали об ответственности (в том числе уголовной) за незаконный въезд в страну и выезд из неё, нарушение правил проживания, прописки и передвижения по её территории. Летом 1966 г. президиумы Верховных советов СССР и РСФСР приняли ряд указов, усиливавших административную ответственность за эти нарушения, а также установивших уголовную ответственность тех же лиц за злостное нарушение правил передвижения по территории СССР⁵². Под понятием «злостное нарушение», скорее всего, имелись ввиду не злонамеренность мотивов и враждебность действий субъекта правонарушения, а умышленное, неоднократно и осознанно совершаемое им противоправное деяние. В указе Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1966 г. «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злостное нарушение правил передвижения на территории СССР» «злостными деяниями» назывались: изменение места жительства и времени выезда с него; посещение пунктов, не указанных в визах на въезд; уклонение от маршрута следования, указанного в проездных документах, совершённое без специального на то разрешения. Лица, дважды подвергнутые административному взысканию за нарушение правил, могли привлекаться по указу и к лишению свободы до одного года. ОВД на местах предписывалось усилить контроль за соблюдением иностранцами «Правил проживания в СССР», утверждённых постановлением СМ СССР № 227–109 от 6 марта 1962 г. и объявленных приказом КГБ 29 марта того же года⁵³.

Специальные указания по усилению контроля над передвижением иностранцев нашли отражение в «Инструкции о порядке осуществления органами милиции контроля за движением иностранцев по открытым для них автомобильным дорогам», утверждённой в начале июля 1967 г. министром охраны общественного порядка СССР Н.А. Щёлоковым. Сотрудники милиции, а также лица, несущие службу на специальных постах ГАИ, теперь располагали более понятными указаниями и наставлениями. Так, например, более чётко регламентировался порядок представления сведений по линии как милиции, так и КГБ, особенно по иностранцам, самовольно уклоняющимся от маршрута. Инструкция запрещала в 25-километровой пограничной полосе фотографиро-

⁵⁰ Там же, л. 212. На территории Ленинградской обл. находились объекты важного оборонного значения, доступ к которым облегчали развитая дорожная сеть и отсутствие должной системы контроля на подступах к ним. Так, например, произошло с секретными объектами и режимной кольцевой системой бетонной дороги (КБД) С-100, на которой неоднократно задерживались иностранные автотуристы, якобы сбившиеся с пути и т.п. Проникновение происходило потому, что на пересечении радиальных дорог области с КБД С-100 не были выставлены постоянные посты с целью исключения подобных проникновений (Там же, д. 209, л. 36).

⁵¹ Там же, л. 214.

⁵² Сборник правовых актов по вопросам пребывания в СССР иностранцев и лиц без гражданства / Под ред. Б.В. Бойцова. М., 1977. С. 197.

⁵³ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленobl., ф. 2, оп. 1, д. 318, т. 2, л. 215.

вание и зарисовки всех видов военной техники и вооружений, военных объектов и учреждений, складов горючего, морских портов, железнодорожных узлов, тоннелей, плотин, мостов, НИИ и КБ, промышленных предприятий, электростанций и радиостанций. Запрещались «перспективные надземные съёмки и зарисовки промышленных городов» и др.⁵⁴

С марта 1967 г. совместным приказом МООП и КГБ во исполнение постановления правительства № 94–35 от 3 февраля 1967 г. в органы охраны общественного порядка из КГБ передавались всесоюзная общесправочная и статистическая картотека на иностранцев, учётные дела на тех из них, кто проходил по персональному учёту этих карточек, право выдачи разрешений на въезд по частным делам и учёт проживающих в стране иностранцев⁵⁵. Этот порядок с небольшими изменениями и дополнениями сохранялся вплоть до декабря 1990 г. За КГБ оставили лишь функцию специальной проверки въезжающих по частным делам, а также осуществление контроля за въездом и выездом граждан капиталистических стран и лиц без гражданства.

Режимные ограничения и дополнительные меры контроля широко применялись властями по отношению к иностранцам, пытавшимся расширить контакты с советскими гражданами. В конце 1950-х – 1960-е гг. интерес к советской действительности заметно возрос⁵⁶, как следствие, увеличилось количество негативных откликов о бытовой действительности и образе социализма⁵⁷. Во многом поэтому для иностранцев долгие годы сохранялись территориальные и экспозиционные (объектовые) ограничения⁵⁸, а немногочисленные зарубежные выставки часто посещались организованным порядком. Так, закрытое решение президиума ЦК КПСС запретило демонстрацию на открывшейся в Москве летом 1959 г. американской выставке бытовых вещей⁵⁹. Летом 1962 г. на проходившей в Ленинграде международной выставке «Медицина США» по настоянию управляющего отделением Всесоюзной торговой палаты Н. Степанцова и заведующей отделом агитации и пропаганды обкома КПСС В. Чурсиной отстранили от демонстрации стенда «Кабинет врача» некую Н. Зарен. Её обвинили в том, что она рассказывала посетителям не о достижениях медицины, а о превосходстве американского образа жизни и о лишениях людей в СССР⁶⁰.

Чаше, чем в прошлые годы, власти стали пресекать попытки иностранцев посещать квартиры советских граждан и другие не заявленные официально места. В крупных городах приходилось «устраивать» показ своеобразных «потёмкинских деревень»⁶¹. В том же Ленинграде весной 1963 г. председатель облсовета профсоюзов А. Слепухин рекомендовал обкому партии организовать подбор и подготовку на посещаемых иностранцами предприятиях

⁵⁴ Там же, д. 331, т. 2, л. 141–144. К инструкции прилагался перечень автомобильных дорог, открытых для движения иностранных туристов. В этом списке фигурировала 21 дорога, причём некоторые из них предназначались только для туристов конкретных стран. Например, проезд по трассе Москва–Львов–Чернополь–Черновцы–Порубное разрешался лишь туристам из Польши.

⁵⁵ Там же, д. 329, л. 10 об.–11.

⁵⁶ Орлов И.Б., Машкова А.М. Иностранный молодёжный туризм в СССР в 1958–1964 годах // Российская история. 2011. № 6. С. 159.

⁵⁷ Советское зазеркалье... С. 203.

⁵⁸ Там же. С. 148.

⁵⁹ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 173, 965.

⁶⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 14, л. 156.

⁶¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента... С. 176.

нескольких «образцовых квартир рабочих для показа их иностранным делегациям»⁶². Предложение приняли, и вскоре секретарь обкома Г.В. Романов утвердил «список объектов, выделенных для показа иностранным делегациям и туристам», руководители которых отвечали и за «образцовые» квартиры рабочих и служащих⁶³. Список содержал 338 объектов, в том числе несколько домов престарелых в Стрельне и Пушкино⁶⁴. Партийное руководство города держало выполнение решения на особом контроле, требуя от райкомов ежегодного отчёта о проделанной работе. Так, в апреле 1965 г. завотделом Василеостровского райкома Виноградов сообщал, что им наконец-то удалось добиться от дирекции завода «Севкабель» выделения и оборудования «образцовой квартиры ИТР» для посещения её иностранцами. Также он представил список аналогичных квартир рабочих и инженерно-технических работников, закреплённых за заводом «Пневматика»⁶⁵. Из Невского райкома заведующему отделом агитации и пропаганды обкома Е.Я. Зазерскому сообщали о готовности пяти «образцовых квартир» рабочих и ИТР завода им. В.И. Ленина. Здесь же указывалось, что районное руководство продолжает работу по подготовке аналогичных квартир по другим 14 объектам, определённым для посещения иностранцами⁶⁶. Опекаемые «принимающей стороной» иностранцы умышленно погружались в лубочный мир «достижений социализма», который большинство из них считало абсолютно неуместным, а советские моряки, вернувшиеся из заграничья, — ещё и карикатурным⁶⁷. Это особенно бросалось в глаза в начале 1960-х гг., когда серьёзно обсуждался вопрос о введении карточек для стабилизации снабжения населения хлебом и другими продуктами⁶⁸.

Всякого рода ограничения обильно подпитывались как старыми советскими идеологическими практиками, так и новыми подходами, продиктованными обострениями холодной войны. Иностранцы подвергались организованному идеологическому воздействию со стороны государства. Причём принципиальные корректировки в идеологическую работу с ними внесла не столько, как полагает И.И. Шнайден, «Пражская весна»⁶⁹, сколько венгерские события. Уже в декабре 1956 г. Ленинградский обком просил ЦК партии увеличить штаты

⁶² ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 14, л. 110.

⁶³ Там же, ф. 8437, оп. 3, д. 135, л. 49–50.

⁶⁴ Там же, л. 74–84.

⁶⁵ Там же, ф. 24, оп. 137, д. 25, л. 1–2.

⁶⁶ Там же, л. 6–10. За подготовку «благополучных» квартир рабочих и ИТР отвечали райкомы и парткомы. Ремонт и «начинка» квартир осуществлялись за счёт предприятий с минимальным участием самих жильцов. Степень готовности таких квартир оценивала специальная группа. Так, комиссия по подготовке к приёму иностранных делегаций кондитерской фабрики им. Самойловой (Ленинград) в составе А.М. Бейлис, З.В. Белоусовой, Т.С. Драпкиной, Н.Н. Калиновской, А.Н. Орловой, С.И. Парамоновой и Г.Н. Рубинской тщательно inspectировала каждую квартиру, внося предложения и корректировки. По оценкам очевидцев, эти квартиры не имели «буржуазных излишеств»: отечественные холодильник, телевизор, стиральная машина, пылесос, магнитофон, радиоприёмник, телефон, разнообразная посуда, мебель улучшенной модельности, несколько ковровых изделий и некоторые другие вещи (велосипед, лыжи, фотоаппарат и др.).

⁶⁷ *Иванова А.С.* История торговой сети «Берёзка» в СССР (конец 1950-х — 1980-е гг.) // Российская история. 2012. № 5. С. 176.

⁶⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 8550, оп. 1, д. 1, л. 8–9.

⁶⁹ *Шнайден И.И.* Изменения идеологических подходов работы с туристами из соцстран в связи с событиями «Пражской весны» 1968 г. // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. Всероссийская научная конференция. Сборник статей. М., 2004. С. 170.

отдела пропаганды и агитации, в составе которого в 1957 г. создали специальную (идеологическую) группу по обслуживанию иностранцев⁷⁰.

В обосновании усиления идеологического контроля и контрпропагандистских акций по отношению к иностранцам доминировал, как всегда, тезис о подрывной сущности и враждебности Запада в отношении СССР и стран «народной демократии». И.Б. Орлов и А.М. Машкова отметили, что почти все американские группы, посетившие СССР в 1950–1960-х гг., «были дисциплинированы и хорошо подготовлены для идеологических споров с советской молодёжью»⁷¹. Управляющий Ленинградским отделением общества «Интурист» В. Сорокин в «Отчёте об итогах информационно-пропагандистской работы с иностранными туристами в 1967 г.» отмечал, что «туристы из США и Англии прибывали в СССР, пройдя предварительную идеологическую обработку»⁷².

Настороженность по отношению к иностранцам способствовала проявлению элементов подозрительности и даже шпиономании. Подобные настроения масс нередко подогревали ответственные работники и разного рода функционеры. Так, руководитель «Интуриста» В.А. Анкудинов убеждал подчинённых, что среди туристов всегда имеются открытые и скрытые враги⁷³, а заместитель председателя Ленгорсуда А.Н. Барканов в январе 1957 г. призывал коллег не идти ни на какие контакты с иностранцами⁷⁴. В июле 1960 г. выступавшие в том же суде его председатель С.Е. Соловьёв и члены суда Т.В. Никитенко, Н.А. Ермаков и Э.А. Гершкович клеймили всех иностранцев, «посещающих наш город и заседания городского суда, выведывающих различные секреты»⁷⁵. Представитель Дзержинского райкома А.П. Шамаев, выступая перед судьями Леноблсуда, привёл данные о количестве туристов, посетивших город в 1960 г., и заявил, что из 100 тыс., «говоря грубо, процентов 60–70... будет послано сюда со шпионской целью»⁷⁶. Председатель Совета по иностранному туризму РСФСР К. Куприн, отправляя в июле 1968 г. председателю Ленгорисполкома А.А. Сизову рекомендации по подготовке к приёму и обслуживанию иностранцев в связи со 100-летием со дня рождения Ленина, напоминал о необходимости «повышать политическую бдительность, бороться с идеологическими диверсиями... всех работников»⁷⁷. В КГБ после венгерских событий «активировали» тезис о том, что у западных спецслужб и антисоветских эмигрантских организаций есть на кого положиться «внутри нашей страны»⁷⁸. Под подозрением оказались бывшие политзаключённые и диссидентствующие активисты. В марте 1961 г. КГБ распространил очередную ориентировку местным органам, указав адреса возможных контактов с представителями заграничного «Центрального объединения политических эмигрантов»⁷⁹. Оперсостав нацеливался на внимательное изучение иностранного окружения бывших политзаключённых,

⁷⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 3, л. 1, 2, 3.

⁷¹ Орлов И.Б., Машкова А.М. Иностраный молодёжный туризм в СССР... С. 157.

⁷² ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 36, д. 728, л. 13.

⁷³ Советское зазеркалье... С. 245.

⁷⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 1711, оп. 7, д. 4, л. 2.

⁷⁵ Там же, д. 13, л. 19–20.

⁷⁶ Там же, ф. 744, оп. 8, д. 13, л. 48.

⁷⁷ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 36, д. 728, л. 115 об.

⁷⁸ Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ... С. 691.

⁷⁹ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобл., ф. 1, оп. 8, п. 9, л. 75–104.

их контактов и возможных акций. Тщательному контролю подвергались их настроения, оценки и суждения о событиях в Венгрии⁸⁰.

Между тем из спецсообщений и донесений видно, что в этот период не наблюдалось ни «бума» антисоветских выступлений, ни активизации при помощи иностранцев некоей «пятой колонны». На Западе, по воспоминаниям А. Дубчека, слишком плохо представляли себе советскую политическую систему⁸¹, чтобы инспирировать в соцлагере преобразования, подрывающие его единство⁸².

Идеологические органы заметно тревожили резкие изменения взглядов, подходов и оценок на всё советское у интуристов. Особенно наглядно это проявлялось у обучающихся в вузах страны студентов и аспирантов. Так, ректорату Педагогического института им. А.И. Герцена в 1956–1957 гг. приходилось неоднократно улаживать конфликтные ситуации, инициированные венгерскими и польскими учащимися⁸³. Власти пытались всеми мерами искоренить «крамолу», исходящую, как они считали, от антисоветски настроенных иностранцев. Проректор Университета дружбы народов им. П. Лумумбы Романов на одном из совещаний в 1962 г. признавался, что «наиболее авторитетных и неутомимых (студентов-троцкистов. — *В.И.*) “поддавливали” на организации пьянок и отчисляли»⁸⁴. По его словам, в вузе иностранных студентов условно делили на четыре группы. В первую входили «друзья по идеологии, близкие к нам товарищи, стремящиеся воспринимать от нас всё хорошее». Вторую группу представляли «напропагандированные ежи», которые «приезжали с определённым настроением». Эту группу надо «больше показывать всем», так как они «боялись огласки». Наибольшую опасность представляла третья группа — «идеалисты»: «Они приезжают в Советский Союз, создав себе образ идеального общества, в котором нет никаких пороков. И когда сталкиваются со сложными, не решёнными сторонами нашей жизни — пьянством, воровством, хулиганством и, если хотите, бюрократизмом, у них начинается резкий психологический спад: они сразу ничего хорошего не видят, видят только одно чёрное. С этой категорией очень тяжело работать, и письма от неё идут пассивные, унылые, они говорят: мы разочаровались в социализме вообще и в Советском Союзе. Это очень тяжёлая категория, у неё депрессивное состояние». К четвёртой группе относились «вражеские элементы, которые попадают к нам с определёнными целями. Тут единственная задача — разоблачать»⁸⁵.

С мест нередко требовали от центральных властей более радикальных мер по противодействию буржуазной идеологии, особенно в 1960-е гг. В свою очередь руководители партии и государства признавали, что в послевоенное десятилетие проиграли идеологическое противоборство с Западом⁸⁶. Например,

⁸⁰ «В Венгрии наелись социализма, поворачивают к капитализму». Отклики советских граждан на события 1956 года // Родина. 2016. № 10. С. 128.

⁸¹ В августе 68-го: взгляд с другой стороны. К выходу русского перевода воспоминаний Александра Дубчека / Публ. Ю.В. Богданова // Российская история. 2009. № 4. С. 152.

⁸² *Христофоров В.С.* История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг. Учебное пособие. М., 2015. С. 386–387.

⁸³ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 106, д. 60, л. 43.

⁸⁴ Там же, д. 109, л. 176.

⁸⁵ Там же, л. 79–80. Проблема оказалась настолько чувствительной для властей всех уровней, что вынудила ЦК КПСС и СМ СССР принять 25 мая 1964 г. постановление «О мерах по усилению политической и учебно-воспитательной работы среди иностранных учащихся, обучающихся в СССР» (Там же, оп. 113, д. 61, л. 8–9).

⁸⁶ *Петров Н.* КГБ и чехословацкий кризис 1968 года: общие предпосылки введения советских войск и оккупации Чехословакии в 1968 г. // «Пражская весна» и международный кризис

Ленинградский обком в одной из справок для ЦК партии в 1956 г. писал: «Сегодня нашим врагам зачастую нет надобности засылать в страну идеологических диверсантов. Значительно проще организовать серию антисоветских радиопередач, которые, хотим мы или нет, прослушиваются значительной частью населения»⁸⁷. В ответ на это в апреле 1963 г. Президиум ЦК указал принять меры по глушению зарубежных радиостанций и прекратить выпуск в продажу для населения радиоприёмников с коротковолновым диапазоном⁸⁸.

Малоэффективными оказались и усилия властей в центре и на местах по созданию «групп актива», состоявших из высококвалифицированных и политически подготовленных работников, контактировавших по должности и характеру деятельности с иностранцами. Так, в конце 1950-х гг. в качестве положительного опыта работы таких формирований упоминалась «группа актива» из числа членов Куйбышевских райкомов КПСС и ВЛКСМ, а также преподавателей и студентов герценовского пединститута, идеологически «разгромившая» прибывшую в Ленинград группу американских студентов и молодых туристов⁸⁹. Правда, в архивных материалах можно встретить прямо противоположные оценки советской молодёжью результативности деятельности таких групп и «идеологической трескотни» разного рода пропагандистов.

Одним из важных элементов усиливающегося идеологического контроля за иностранцами в СССР в эти годы считались работники системы «Интуриста». Утверждённая приказом правления этой организации от 15 апреля 1967 г. должностная инструкция для гидов-переводчиков предписывала им не только проявлять бдительность при работе с иностранцами, хранить государственную и служебную тайну, вести наступательную идеологическую работу, но и осуществлять ряд мер, резко ограничивающих нежелательные для властей поступки, действия и акции⁹⁰. Между тем разнообразные встречи советских граждан с иностранцами в принципе было невозможно пресечь, хотя в центре и на местах требовали усиления бдительности по отношению к иностранцам, их попыткам идеологической обработки (особенно молодёжи). Дж. Мэтлок откровенно делился в воспоминаниях «секретами» того, как в 1960-е гг. они совместно с молодыми советскими «нонконформистами, ставшими впоследствии диссидентами», вычисляли и изолировали информаторов КГБ, посещавших вместе с ними дом четы Мэтлок в Москве⁹¹.

Подводя итог, отмечу, что во второй половине 1950-х — 1960-е гг. о наступлении эпохи «мира без границ» и «встречи цивилизаций» можно было только мечтать. Анализ использованных материалов показал, что на характер отношений существенное влияние оказывали господствующие в этот период в СССР стереотипы, проистекавшие в основном из тезисов: «агрессивный Запад», «иностранцы-шпионы и идеологические диверсанты» и т.п. Впрочем, ни одна из двух систем не форсировала сближение, предпочитая извлекать из начавшегося «движения иностранцев» свои выгоды, прежде всего идеологические.

1968 года. Статьи, исследования, документы / Гл. ред. Н.Г. Томилина, С. Карнер, А.О. Чубарьян. М., 2010. С. 98.

⁸⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 21, л. 21.

⁸⁸ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 702, 1133.

⁸⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 4, л. 34.

⁹⁰ Сборник нормативных актов... С. 391–396.

⁹¹ Мэтлок Дж. Ф. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М., 2003. С. 12.